

Чжоу Цзимин подождал снаружи. В комнату допроса ему входить не полагалось. Когда вышел Сун Най, как раз подошли родители Ван Хэна. Лю Гунъе вызвал Фу Ли.

Хотя Ван Хэну было всего девятнадцать, его родители выглядели намного старше. Сначала все чуть не приняли их за дедушку и бабушку.

Отцу Ван Хэна, Ван Дэ, было 65 лет, матери, Лу Шань, — 58. Оба сгорбились, и время оставило глубокие следы на их лицах, не пощадив их.

Фу Ли отвела пожилую пару в комнату отдыха, намереваясь задать несколько вопросов в более спокойной обстановке. Лю Гунъе, Чжоу Цзимин и Сун Най сидели рядом, слушая.

Чэнь Юй налил старику и старушке по стакану воды. Их руки, державшие бумажные стаканчики, слегка дрожали — то ли от возраста, то ли от волнения.

— Вы знаете, почему сегодня оказались здесь? — Фу Ли сразу перешла к делу.

Ван Дэ надавил большим пальцем на край стаканчика. Он не смотрел на Фу Ли, а уставился на воду в стакане. Когда он заговорил, в его голосе слышался трудноразличимый южный акцент:

— Я... слышал, что мой сын что-то натворил. Не знаю, что именно натворил, но чувствую, что что-то не так...

— Хорошо, раз вы не в курсе, я скажу прямо. Ван Хэн: покушение на убийство и нападение на полицейского. Два обвинения.

Лу Шань вздрогнула. Она начала повторять:

— Не может быть, не может быть. Мой сын не такой человек. Не может быть, не может быть...

Ее голос становился все тише, и было непонятно, обращалась она к полицейским или к самой себе.

— Я понимаю, что вам сложно принять это, но факты есть факты. Сегодня мы позвали вас, чтобы узнать больше о вашем сыне.

Лу Шань поставила стакан в сторону и, рыдая, схватила Ван Дэ за руку:

— Говори! Скажи что-нибудь! Наш сын не такой человек. Как он мог совершить такое? Не может быть, говори же!

Ван Дэ замер. Вода из стакана выплеснулась, облив его запястье. Его темная, покрытая возрастными пятнами рука намочила.

— Товарищ полицейский... — наконец произнес Ван Дэ.

— Говорите, — ответила Фу Ли.

Ван Дэ медленно поднял взгляд на Фу Ли:

— Есть одна просьба... Хочу попросить вас...

Ван Дэ был очень худ, его глаза, мутные и серые, покраснели. Он смотрел на Фу Ли, а затем с глухим стуком опустился на колени.

— Что вы делаете? — голос Фу Ли прозвучал строго, даже с оттенком сдерживаемого гнева.

— У меня только один сын, товарищ полицейский. Мы с женой с трудом его вырастили, до такого возраста дотянули, нельзя же смотреть, как он так кончит! — Ван Дэ попытался схватить Фу Ли за штанину, но она уклонилась.

Лу Шань тоже опустилась на колени:

— Да, товарищ полицейский, ему всего девятнадцать, он еще ребенок! Разве не говорят: «Кто ошибся, да исправится — тому хвала»? Наш ребенок исправится, мы его воспитаем, мы его наставим на путь истинный!

Фу Ли посмотрела на Чжоу Цзима, и тот, поняв намек, подошел и левой рукой помог Ван Дэ и Лу Шань подняться.

— Вы видите раны на руке этого полицейского? — Фу Ли присела перед Ван Дэ и Лу Шань. — Это сделал ваш сын. Еще чуть-чуть, и этот полицейский лишился бы пальца. А тот мужчина, — она указала на Сун Ная, — чуть не погиб от рук вашего сына... А теперь посмотрите на вашего сокровища, который сейчас сидит в комнате допросов, не проявляя ни капли раскаяния. И вы все еще говорите «он ребенок»?

— Мы можем оплатить лечение! Мы можем оплатить лечение! Мы можем компенсировать! — Ван Дэ смотрел на всех в комнате, волнуясь. — Тот мужчина ведь не пострадал, а у этого полицейского палец на месте. Еще можно все исправить, еще есть шанс!

— Тогда я вам скажу!

— Фу Ли! — Лю Гунье резко оборвал ее. — Хватит...

Ван Дэ и Лу Шань продолжали плакать и кричать. Они поняли, что ничего не изменить, и их сын, вероятно, сядет в тюрьму. Кроме плача и криков, они не знали, что делать.

Фу Ли сдержала себя и вышла из комнаты отдыха. Чэнь Юй с блокнотом последовал за ней.

Чжоу Цзимин подошел к двери и помахал Сун Наю, приглашая его тоже выйти, оставив Лю Гунье успокаивать Ван Дэ и Лу Шань.

Чжоу Цзимин усадил Сун Ная за столик у окна, налил ему воды и сел рядом.

— Испугались? — спросил он, глядя в сторону комнаты отдыха. — Такое случается.

— Не то чтобы испугался, но понять сложно, — Сун Най сделал глоток воды. — Будучи родителями, даже если очень хочешь, чтобы ребенок стал выдающимся, не стоит вести себя так...

— Они всю жизнь работали в поле, книг не читали, законов не знают. Всю жизнь у них была только эта надежда, конечно, они хотят любой ценой ее защитить, только выбрали неверный способ.

Сун Най повернул голову к Чжоу Цзимину:

— Такой способ с самого начала его погубит.

Чжоу Цзимин, встречаясь взглядом с Сун Наем, снова заметил рану на его шее. Он машинально отозвался:

— Да.

Сун Най поднял стакан, прикрывая шею:

— Ничего серьезного.

Чжоу Цзимин чуть не потянулся рукой прикоснуться, но стакан преградил путь. Он взял свой стакан и залпом выпил много воды. Взгляд Сун Ная привлекло движение кадыка Чжоу Цзимины, и он почувствовал сухость во рту. Он поспешно поднес стакан ко рту и сделал еще глоток.

Чжоу Цзимин не заметил этого взгляда. Он допил всю воду и глупо улыбнулся Сун Наю.

Только тогда Сун Най понял, что Чжоу Цзимин сегодня казался каким-то другим. Причина была на поверхности — он побрился.

Вот почему он сегодня выглядит таким свежим, подумал Сун Най.

Чжоу Цзимин поставил стакан на стол и попытался той же рукой закрутить крышку. Ничего не вышло. Тогда Чжоу Цзимин просто зажал стакан под мышкой, используя силу руки вместо правой.

Сун Най заметил, что рана Чжоу Цзимины совсем не легкая, раз до такой степени нельзя пользоваться правой рукой.

Он вытащил стакан, который торчал из-подмышки Чжоу Цзимины, и, закручивая крышку, спросил:

— То, что товарищ Чжоу называл легким ранением, оказалось до такой степени, что даже крышку не можешь закрутить. Впервые слышу.

Хотя слова Сун Ная звучали неприятно, Чжоу Цзимин почему-то почувствовал себя комфортно. Он улыбнулся, глядя на Сун Ная:

— Я же тебе говорил, я «ходячая мумия».

— Товарищ Чжоу, — Сун Най продолжал вертеть стакан в руках.

— А? — Чжоу Цзимин смотрел на Сун Ная. Тот слегка опустил голову, и с этого угла можно было разглядеть его ресницы. «Две занавески», — подумал Чжоу Цзимин. Красиво.

— Спасибо, — Сун Най продолжал играть со стаканом. Когда это слово прозвучало, «занавески» медленно поднялись, и глаза, словно черные жемчужины в центре пруда, сверкнули. Чжоу Цзимин не стал сопротивляться и позволил им проникнуть в свой взгляд, полностью принимая их.

Лю Гунье провел в комнате отдыха с Ван Дэ и Лу Шань около часа, после чего повел их посмотреть на сына.

Ван Хэн смотрел на них с полным раздражением, не желая с ними разговаривать, словно они опозорили его, и требовал, чтобы они скорее ушли.

Ван Дэ и Лу Шань, поддерживая друг друга, вышли. Лю Гунье приказал полицейскому проводить их обратно.

Всего за какой-то час они выглядели гораздо постаревшими, словно прожили год в другом измерении и вернулись.

Лю Гунье стоял, заложив руки за спину. Он выглядел уставшим. Фу Ли подошла, опустив голову.

— Капитан, простите.

Лю Гунье махнул рукой:

— Ты изначально не сказала, что он подозреваемый в убийстве, это уже и так великая милость. Извиняться не за что. Я знаю, ты всегда ненавидела такое беспричинное потакание, так что не вини тебя.

Фу Ли подняла взгляд на Лю Гунье и отдала честь:

— Спасибо, капитан.

Автор имеет сказать:

Вчера я уже закончил писать, но сайт jj глюкнуло, и весь черновик исчез T^T

Клянусь тремя пальцами, что больше никогда не буду писать в админке jj.

<http://bllate.org/book/16876/1555559>